

Названия растений как часть поэтического лексикона (на материале «Словаря языка русской поэзии XX века»)

А. С. Кулева

Plant names as part of the poetic lexicon (based on the Dictionary of the Language of the Twentieth Century Russian Poetry)

A. S. Kuleva

Анна Сергеевна Кулева – кандидат филологических наук;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Российская Федерация

E-mail: an_kuleva@mail.ru

Статья поступила. 15.06.2023. Принята к печати: 30.06.2023.

Anna S. Kuleva – candidate of Philological Sciences; The
V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID 0000-0001-6536-3943

Received: 15/06/2023. Accepted for publication: 30/06/2023.

В статье рассматриваются особенности лексикографического описания названий растений (фитонимов) в сводном словаре поэтического языка. «Словарь языка русской поэзии XX века», описывающий лексикон десяти выдающихся авторов Серебряного века (И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой), включает более 500 таких лексических единиц. Важно, что растения в поэтическом языке отражаются неравномерно. С одной стороны, к ядру поэтического лексикона относятся названия принципиально важных, культурно значимых растений: это деревья (*береза, дуб, ива, сосна*), плодовые деревья или кустарники и их плоды (*вишня, малина, яблоня/яблоко*), а также *роза* и некоторые другие цветы (*левкой, лилия, фиалка*). Эти растения получают образное осмысление в поэтическом тексте, обозначаются рядом лексем, которые образуют словообразовательные гнезда (*ива, ивка, ивняк, ивняковый, ива-провидица; ивовый*). С другой стороны, для поэзии Серебряного века характерно пристальное внимание к реальному, вещному миру, и в поэтический текст органично включаются более редкие лексемы. Это названия садовых и полевых цветов (*анемона, астра, бархатцы, василёк, гвоздика*), народные именованья (*иван-да-марья, кашка, любка, плакун-трава*), своего рода «прозаизмы» (*брюква, бузина, дереза, лебеда, морковь / морковный / морковинка, редиска*). Обращение к Национальному корпусу русского языка позволяет проследить изменчивость поэтического лексикона: ряд названий (прежде всего конкретные, бытовые именованья) впервые появляется в поэзии Серебряного века, другие названия со временем уходят из лексикона.

Ключевые слова: лексикография, лексикология, лингвистическая поэтика, фитонимы

УДК 81.161.1:81'33

The article discusses the features of the lexicographic description of plant names (phytonyms) in the dictionary of the poetic language. *The Dictionary of the Language of the Twentieth Century Russian Poetry*, describing the lexicon of ten outstanding authors of the Silver Age (I. Annensky, A. Akhmatova, A. Blok, S. Yesenin, M. Kuzmin, O. Mandelstam, V. Mayakovsky, B. Pasternak, V. Khlebnikov, M. Tsvetaeva), includes more than 500 such lexical items. Plants representation in the poetic language differs significantly. On the one hand, the names of fundamentally important, culturally significant plants belong to the core of the poetic lexicon: these are mainly trees (*birch, oak, willow, pine*), fruit trees or shrubs and their fruits (*cherry, raspberry, apple tree/apple*), as well as *rose* and some other flowers (*stock, lily, violet*). These plant names usually receive a poetic interpretation, cf. *ива* 'willow', and *ивка* 'little willow', *ивняк* 'willow shrubs', *ива-провидица* 'willow-seer'. On the other hand, the poetry of the Silver Age is characterized by close attention to the real, material world, and rarer lexemes are organically included in the poetic text. These are the names of garden and wild flowers (*anemone, aster, marigolds, cornflower, carnation*), common names (*Ivan-da-Maria* 'cow wheat', *kashka* 'clover', *lubka* 'butterfly orchids', *weeping-grass* 'purple loosestrife'), a kind of non-poetic names (*turnip, elder, box-thorn, carrot, radish*). The Russian National Corpus allows us to trace the variability of the poetic lexicon: a number of names (primarily specific, common names) first appear in the poetry of the Silver Age, other names eventually leave the lexicon.

Keywords: phytonyms, lexicology, lexicography, linguistic poetics

OECD: 6.02.OT

В **Постановка проблемы.** «Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП), который составляют в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, представляет собой сводный словарь поэтического языка конкретной эпохи. Статьи Словаря содержат стихотворные строки из произведений десяти выдающихся поэтов Серебряного века – И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Отметим, что их творчество выходит за традиционно понимаемые хронологические пределы Серебряного века (первой четверти XX в.), таким образом, Словарь отражает через призму поэтического языка словоупотребление первой половины XX в.

Контексты в словарных статьях дают возможность судить и об истории отдельного слова в языке эпохи, и о «приращениях смысла» единицы поэтического языка [Григорьев, 1979]. Словарь совмещает в себе черты конкорданса и толкового словаря [Шестакова, 2011]: при необходимости в словарную статью включается зона толкования (она может содержать как энциклопедическую информацию, так и стилистические, грамматические, произносительные и т. п. пометы и комментарии). Более частные комментарии могут сопровождать отдельные контексты.

Работа над Словарем показала, что некоторые лексические группы заслуживают особого внимания. Так, к настоящему времени Словарь доведен до Т. IX (до буквы Ц), однако весь описываемый материал предварительно представлен в форме тематических «малых» словарей (см. «Информационно-поисковые системы «Словари русской поэзии Серебряного века», <http://lexrus.ru>). В этот цикл ожидаемо входит «Словарь имен собственных», среди остальных отметим «Словарь редких слов» (более точно – слов единичного употребления в рамках описываемого материала), который предоставляет для исследования весьма интересный материал. Как представляется, были бы полезны и другие «малые словари», и среди них – «Словарь названий растений (фитонимов)».

В настоящей статье ставится проблема выявить лексический ресурс «названия растений» как фрагмент картины мира русской поэзии, на основании данных, зафиксированных в приведенных выше лексикографических описаниях.

История вопроса. Фитонимическая лексика изучается давно, существует обширная исследовательская литература, затрагивающая разные аспекты этой темы, однако при обращении к ней нетрудно заметить весьма показательные лакуны. В первую очередь это связано с двойственной природой самого материала: если собственно растения являются предметом изучения наук естественнонаучной сферы – ботаники (в том числе систематики), сельскохозяйственных дисциплин и др., то названия растений, т. е. лексические единицы, представляют значительный интерес для лингвистики. С ботанической точки зрения фитонимы представляют собой терминоподобную подсистему, разновидность номенклатуры, и к ним предъявляются требования, выработанные по отношению к терминам: они должны быть однозначны, нейтральны, четко соотносимы с денотатом, быть частью строгой системы и т. п. С лингвистической точки зрения фитонимическая лексика выглядит как сложно

организованный континуум единиц, разнородных по происхождению, различающихся стилистической окраской, нередко многозначных. Важно, что они вступают в сложные синонимические, омонимические, гипо-гиперонимические отношения.

Основные русские толковые словари XX в. [СУ; БАС; МАС; СОШ; СШ] демонстрируют тенденцию описывать названия растений с ориентацией на «ботаническую» точку зрения. К сожалению, это приводит к тому, что от словаря к словарю толкования становятся всё более однотипными, а «недостаточно терминологичные» – устаревшие, областные, стилистически окрашенные, неоднозначные лексические единицы – последовательно выводятся из словника и тем самым нередко даже не переходят, а искусственно переводятся в разряд агнонимов. Исключенные из толковых словарей названия оказываются за пределами лексикографического описания: отдельные иноязычные фитонимы, как новые, так и устаревшие, фиксируются словарями иностранных слов, однако другие словарные жанры (словари новых слов и значений, разговорной речи, синонимов и др.) фитонимов обычно не содержат.

Таким образом, названия растений остаются недостаточно изученной лексической группой. Наиболее глубоко и последовательно ими интересуются специалисты по диалектологии, культурологии, этнолингвистике ([Меркулова, 1967; Колосова, 2009] и др.), однако предмет их исследований лежит преимущественно за пределами современного литературного языка, а «ботанический аспект» (соотнесение с конкретными растениями, степень терминологичности и пр.) зачастую оказывается неважен.

В заполнении возникшей лакуны особую роль играют исследования художественного текста. Помимо литературоведческих штудий, фитонимическая лексика анализируется и с собственно лингвистической точки зрения [Кушлина, 2001; Куликова, 2014; Шарафадина, 2018] и др.

Методология и методика анализа. Наиболее перспективным подходом в лингвистическом анализе фитонимов представляется лексикографический. С одной стороны, он позволяет аккумулировать большой объем материала и системно его представить; с другой стороны, достижения авторской лексикографии могут быть интересны в теоретическом аспекте, что позволит использовать их и в общей лексикографии, прежде всего толковой. Отметим, что исследование названий растений в современном русском литературном языке носит преимущественно «точечный», несистемный характер – см. такие важные, но немногочисленные работы, как, например, [Протасова, 2014].

Показательно, что в жанре авторской лексикографии тематический принцип весьма продуктивен, а фитонимам посвящены специальные работы, например, [Кожевникова, Петрова, 2015]; ср. также англоязычные издания [Faircloth, Thomas, 2014; Judd, Judd, 2017].

Как уже упоминалось выше, в «Словаре языка русской поэзии XX века» фитонимическая лексика составляет одну из заметных тематических групп – в поле зрения десяти поэтов Серебряного века попало более 500 растений, которые описаны в 627 словарных статьях (подробнее об этом см. в обзоре [Кулева, 2020] и других наших публикациях).

При составлении словарных статей Словаря приходится сталкиваться с существенными трудностями: далеко не всегда встретившиеся единицы очевидны и понятны для современного читателя, нередко они отсутствуют в толковых или специальных словарях. В некоторых случаях для правильной подачи лексемы приходилось привлекать дополнительные источники или проводить специальные исследования. Составители используют практически все лексикографические инструменты – включение в зону значения толкования, этимологической справки, комментария к конкретной форме, а также комментирование конкретных контекстов. Тем не менее далеко не в каждом случае вся информация умещается в словарную статью, поэтому кажется целесообразным после завершения работы над многотомным словарем вернуться к этой тематической группе и сделать специальный расширенный «малый» словарь, посвященный названиям растений.

Далее анализируются примеры из материалов Словаря, включающие некоторые условные сокращения: словарная статья содержит хронологически упорядоченные поэтические контексты, отсылки к соответствующим произведениям делаются с помощью шифров, которые указывают на автора (Анненский – *Анн*, Ахматова – *Ахм*, Блок – *АБ*, Есенин – *Ес*, Кузмин – *Куз*, Мандельштам – *ОМ*, Маяковский – *М*, Пастернак – *П*, Хлебников – *Хл*, Цветаева – *Цв*), год создания произведения, том и/или страницу использованных изданий.

Анализ материала. Материал словаря показывает, что растительный мир в преломлении через призму поэтического языка представлен очень неравномерно.

Очевидно, что к ядру поэтического лексикона относятся названия принципиально важных растений, культурно значимых, используемых человеком в его хозяйственной деятельности. Эти растения получают образное осмысление в поэтическом тексте, соответствующие лексические единицы нередко занимают в нем ключевые позиции, что часто попадает в поле зрения исследователей художественной речи.

К таким растениям относятся, прежде всего, типичные для нашей природы деревья: *береза, дуб, ива, сосна* и др. Помимо регулярных производных (уменьшительных форм, собирательных именовании, относительных прилагательных и др.), поэты часто используют варианты, нестандартные, индивидуально-авторские номинации. Ср.: *ива, ивовый, ивка (Ес), ивняк, ивняковый, ива-провидица (Цв); клён, кленовый, кленёночек (Ес), бескровно-кленовый (ОМ); ольха, ольховый, ольшаник, ольшина (обл. 'ольха'; П)*. Очень интересно проследить пути развития поэтического образа, сложные взаимодействия реального или «ботанического» и образного, символического плана, ср.: *верба, вербный, вербочка* (также о Вербном воскресении); *ветла, ветловый, ветла-веретёнце (Ес); ель, ельник, еловый, ёлка, ёлочка, ёлочный* (также о новогодней ёлке); *елинка (обл. 'ель, ёлочка'; Анн), девушка-ель (Ес)*.

Очевидно появление в поэтическом тексте плодов и соответствующих растений – это деревья и кустарники (*вишня, малина, слива, яблоня/яблоко*), ягоды (*брусника*), экзотические плоды (*айва, манго, мандарин*), возделываемые злаки (*овёс, пшеница, рожь*), символически нагруженные растения (античная *олива*, библейская *смоковница*) и др.

Еще одну очевидную группу составляют названия цветов – прежде всего, это *роза*: согласно Поэтическому корпусу НКРЯ (далее – ПК НКРЯ), употребительность этого слова в языке русской поэзии поразительна, ср.: *дерево* – 4566 вхождений, *берёза* – 1684, *цветок* – 9157, ***роза*** – 5876, *герань* – 123, *лилия* – 773, *незабудка* – 212, *тюльпан* – 206, *фиалка* – 433. В СЯРП словарная статья РОЗА содержит около 350 контекстов и входит в словарное гнездо из трех десятков лексем (включая такие, как *дева-роза*, *неженка-роза*, *розанчик (М)*, *розариум (Куз, Цв)*, *розовоцветный (Куз)* и др.).

Как неоднократно отмечалось, для поэзии Серебряного века характерно пристальное внимание к реальному, конкретному, вещному миру, поэтому неудивительно, что в поэтический текст органично включаются более редкие лексемы, в меньшей степени нагруженные дополнительными коннотациями и символическими смыслами и в большей степени связанные с конкретными растениями. В материалах СЯРП можно отметить названия садовых и полевых цветов (*анемона*, *астра*, *бархатцы*, *василёк*, *гвоздика*, *мальва*, *медуница*, *незабудка*), оранжерейных и экзотических растений (*азалия*, *вольгамерия*, *кактус*, *магнолия*, *фикус*, *филодендрон*, *цикламен*), народные или диалектные названия (*иван-да-марья*, *кашка*, *крученный паныч*, *любка*, *плакун-трава*).

Особенностью поэзии Серебряного века становится и включение в стихотворную ткань своего рода «прозаизмов» – названий диких растений и сорняков или злаков и овощей, ср.: *брюква*, *бузина*, *бурьян*, *дереза*, *жость*, *крапива*, *крушина*, *лебеда*, *морковь / морковный / морковинка*, *редиска*, *рожь* (также *аржаной*, *ржаница*, *ржаной*, *ржица*), *сурепка*, *тыква*, *чеснок* и др.

Более подробно хотелось бы остановиться на тех случаях, которые вызвали трудности при составлении словарных статей.

Как легко предположить, требуют подтолкования народные названия растений, многие из которых не находят отражения в толковых словарях. Так, из весьма обширной группы таких названий в основных словарях (СУ; МАС; СШ) находим лексему *кашка* народное название некоторых видов клевера, ср.:

КАШКА [вид клевера] В лугах цветы пестреют, в светлых лугах! И кашки, и ромашки. Пой, соловей! *Куз908 (132)*; По меже, на переметке, Резеда и риза кашки. [рфм. к монашки] *Ес914 (1,119)*; И слабая к. запутает ноги Случайному путнику сельской дороги. *Хл920,21 (272)*; После поля у города свой аромат. Свой букет после кашки у пива и пыли. *П925 (1,569)*

Другие названия такого рода в толковых словарях отсутствуют, что заставляет обращаться к «Словарю русских народных говоров», специальной литературе. Так, название растения *голубика* приводится с синонимами *гонобобель/гонобольш* в МАС и, с пометой «областное», *гонобобель/гонобой/гонобольш* в СУ, однако в СЯРП нет ни одного употребления всех этих лексем (как нейтральной *голубика*, так и ее вариантов), однако есть пример на более далекий от литературной нормы вариант *дурника*:

ДУРНИКА [обл.; голубика] В траве притаилась д., И знахаря ждет молодика. *Хл[913] (86)*

Ср. в ПК НКРЯ, кроме единичного употребления *дурники* у Хлебникова: *голубика* – 21 вхождение, начиная с употреблений у И. Бунина (1903) и С. Городецкого (1906); *гонобобель* – 2: А. Штейнберг (1948) и О. Чухонцев (2016); *гоноболь* – 2: Б. Лившиц (1913) и В. Соснора (1960); *гонобой* – нет (ср. в Основном корпусе НКРЯ: *голубика* – 241, *гонобобель* – 46, *гоноболь* – 3, *гонобой* и *дурника* – нет). Ср. также в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «**Голубика** (*Vaccinium uliginosum*), называемая также *голубицею* и *гонобобелем*, *пьяницею* и *пьяничником*», и в Большой советской энциклопедии: «...*гонобобель*, *пьяница*, *дурника* (*Vaccinium uliginosum*), кустарник семейства брусничных».

Таким образом, обращение к корпусным, лексикографическим и ботаническим источникам подтверждает данные СЯРП: в языке поэзии *голубика* находит отражение достаточно поздно, употребленный Хлебниковым вариант *дурника* действительно существует, однако в языке поэзии приведенный контекст остается единичным и стилистически выделенным. В связи с этим постановку в СЯРП при этой лексеме пометы «обл.» можно считать оправданной, а отсутствие слова в общезыковых толковых словарях вполне понятно.

Другая номинация из этого же хлебниковского контекста – *молодика* – оказывается еще более сложным случаем, ср.:

МОЛОДИКА [возм., здесь: заячья капуста, молодило] В траве притаилась дурника, И знахаря ждет м. *Хл[913] (86)*

При отсутствии убедительной информации, можно считать, что здесь перед нами индивидуально-авторский вариант названия *молодило*. Составители и редакторы СЯРП поэтому сочли оптимальным выходом подачу толкования с помощью предположительной конструкции «возможно, здесь:...».

Использование вариантных названий, в том числе редких или индивидуально-авторских, для идиостиля Хлебникова оказывается показательным, см. словарные статьи:

ЖОСТЬ [*вар.* к жостер; кустарник или деревце сем. крушиновых] Род конского черепа – кость, К нему наклоняется ж. *Хл[913] (86)*

НАРЫНЧИ [перс. *нарендж* – померанцы] Темно-зеленые, золотоокие всюду сады, Сады Энзели. Это растут портахалы, Это н. Золотою росой осыпали Черные ветки и сучья. *Хл921(136)*; А в Баку нет нарынчей, Есть остров Наргинь, Отчего стала противною Рыба морская, белуга или сомы. *ib.*

РАГОЗА [*обл.*, болотное растение; *вар.* к РОГОЗ] Как листьями рагоз Покрытые, ряды пехоты Идут спокойно, молчаливо, Как листьями рагоз покрытое болото, Как листьями рагоз покрыто дно залива. *Хл921 (342)*

РОГОЗ [или рогоза; водное травянистое растение с толстым и плотным чернобурым цилиндрическим соцветием на высоком стебле; см. тж РОГОЗ] Широкие очи рогоз, Коляска из синих стрекоз Была вам в поездке Сибирью сколоченный воз. И шумов далекого моря обоз, Ударов о камни задумчивых волн, Тянулся за вами, как скарб. *Хл922 (363)*

В последнем случае следует уточнить, что *рогозом* называется широко распространенное растение семейства рогозовых (РОГОЗ в СШ, РОГОЗ и РОГОЗА в МАС), более известное современному носителю русского языка под обиходным названием *камыш* (хотя *камыш* в ботаническом смысле – другое растение, ср.: «КАМЫШ. Высокое водное или болотное растение сем. осоковых» [СШ]).

Еще одним сложным случаем становится функционирование составных названий (ср. зафиксированные в СЯРП общеупотребительные номинации *анютины глазки*, *волчья ягода*, *грецкий орех*, *заячья капуста*, *кураная слепота*, *ночная фиалка* и др.). Однако встречаются в языке поэзии и более редкие случаи. Ср.:

СВЕЧКА [*тж* в сочет.: царская с.] [...] Недавно этой просекой лесной Прошелся дождь, как землемер и метчик. Лист ландыша отяжелен блесной, Вода забила в уши царских свечек. [царская с. – травянистое растение «коровяк высокий (густоцветковый)»; здесь (в стих. с назв. «Любка»), возм., о любках (ночных фиалках)] П927 (I,243); Лист ландыша со сплюсненной блесной. Тугие капли в сонных рыльцах свечек. [стих.-вар.] П928 (I,547); [...]

Также: **ЦАРСКИЙ** [*тж* в сочет.: царская с.] [...]

С одной стороны, составные названия *царская свеча (свечка)* или *царский скипетр* действительно употребляются как обиходное именование растения *коровяк высокий*. С другой стороны, в стихотворении Пастернака описана конкретная ситуация – ландыши и другие цветы в лесном овраге. Обращение к ботаническим источникам заставляет усомниться в тождестве *царских свечек* в пастернаковском контексте и названного растения: *коровяк* растет на открытых солнечных местах, преимущественно на песчаных почвах и цветет в июне-сентябре. *Любка двулистная* («ночная фиалка») – лесное растение, цветущее в июне-июле, а тенелюбивый *ландыш майский* цветет в мае-июне. Таким образом, логичнее предположить, что в данном случае под *царскими свечками* имеются в виду высокие колосовидные соцветия *любки*, о которой и говорится в стихотворении. Кроме того, есть и другие растения, более уместные в описываемой ситуации: так, рядом с ландышем и в одно время с ним цветет *живучка*, для которой также характерны высокие пирамидальные соцветия (а составляющие его цветки вполне соответствуют определению «рыльца»).

Несколько другой случай находим у Пастернака, ср.:

ЛЬВИНЫЙ [...] Деревня вражеским вертепом Царила надо всей равниною. Луга желтели курослепом, Ромашками и пастью львиною. П944 (II,62) [...]

Кажется, что *пасть львиная* здесь используется как индивидуально-авторский вариант общеупотребительного названия *львиный зев*. Однако обращение к различным источникам показывает, что общеупотребительным этот вариант стал сравнительно недавно. Так, ср.: «**Львиный зев** – травянистое растение сем. норичниковых, с цветками, напоминающими пасть льва» [МАС], «**Львиный зев** или **львиная пасть** (бот.) – садовое растение с крупными цветами, напоминающими открытую пасть» [СУ], *львиная пасть* и *уста львовы* – в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Таким образом, Пастернак использует бытовавший в его время вариант.

Интересно, что корпус поэтических употреблений фитонимов демонстрирует не вполне очевидную закономерность: хотя может казаться, что растения представляют собой достаточно стабильное окружение человека, однако эта группа лексики оказывается неожиданно подвижной. Как уже отмечалось, в выборке из СЯРП не все лексемы понятны современному читателю. Более того, соотношение употребительности отдельных лексем далеко не всегда совпадает с современной нам реальностью. В одних случаях мы обнаруживаем, что за прошедшие десятилетия изменилась роль в нашей жизни тех или иных растений, и это отразилось в употребительности соответствующей лексики. В других случаях изменилась лексика, и перед современным читателем возникает непростая задача соотнести известное ему растение и не вполне понятную номинацию.

Так, среди садовых цветов поэты Серебряного века упоминают не самые распространенные сейчас растения: *левкой* (22 контекста), *резеда* (16), *тубероза* (6), тогда как многие популярные сейчас названия отсутствуют либо представлены единичными употреблениями, ср.:

ПИОН Как на лампаду, подул он [ветер] на речку, Он и пионы, как сальные свечи, Силится полною грудью задуть. *П917 (I,489)*

ФЛОКС Облака над заплаканным флоксом, Обволакивав даль, перетрафили. Цветники как холодные кафли. Город кашляет школой и коксом. *П917 (I,224.1)*

Следует отметить, что такие названия в наибольшей степени характерны для произведений Пастернака, очень чуткого к «ботанической» теме.

Обращение к ПК НКРЯ подтверждает это наблюдение. Так, *пион* в языке поэзии нередок – 58 вхождений, из них десять стихотворных текстов предшествуют контексту Пастернака и лишь четыре – Серебряному веку, ср.: *Свет знает и без нас, полезно что ему, Где сердце зиждется, где пища есть уму; Пчела не чересчур виется круг навоза, Любимы ей места – нарцисс, пион иль роза* (В. П. Петров. К... из Лондона, 1772); *К льстецам, прислужникам двора, Несу подсолнечник с поклоном; К временщику иду с пионом, Который был в цвету вчера* (П. А. Вяземский. Цветы, 1822).

Ср. также:

А розы в саду, как царицы, цвели; Струились от них ароматы. Пеонию важно надулись. Вдали Стояли тюльпаны-солдаты (Л. Н. Трефолев. Маргаритка, 1866–1889).

Флокс в ПК НКРЯ встречается 39 раз, из них пастернаковскому контексту предшествует лишь один пример: *Сайма ласкает, почти успокоена, Нас, и гранит, и садовые флоксы, Чтобы потом, исступленно и знойно, Броситься грудью на камни Вуоксы* (В. Я. Брюсов. Сайма, 1913).

Многие названия впервые появляются именно у авторов Серебряного века: *эдельвейс* (Бальмонт, 1896), *лаванда* (Волошин, 1908), *чебрец* (Шагинян, 1911), *душица* (Клюев, 1912), *бегония* (Зенкевич, 1913), *ежевика* (Нарбут, 1920) и др.

Следует отметить, что многие привычные названия появились в поэтическом языке позднее, ср.: *аквилегия* (первое употребление в ПК НКРЯ – Н. Заболоцкий, 1957; в основном корпусе с 1988 г.); *календула* (А. Адалис, 1966; в основном корпусе с

1904 г.); *гладиолус* (Л. Мартынов, 1967; в основном корпусе с 1907 г.); *пеларгония* (Ю. Мориц, 1986; в основном корпусе с 1856 г.); *наперстянка* (С. Кекова, 1995; в основном корпусе с 1890 г.). Показательно, что многие из отмеченных ранних употреблений в основном корпусе – это специальные тексты по гомеопатии, садоводству и пр. Таким образом, более позднее включение таких именовании в поэтический язык свидетельствует об их переходе из специального дискурса в общеязыковое употребление.

Особый интерес вызывают случаи, когда в поэтическом языке отразилось разное функционирование названий одного или близкородственных растений, ср.: *левкой*, *желтофиоль*, *маттиола*. *Левкой* – не просто название садового растения (в отличие от его более скромного родственника – *желтушника левкойного*, который раньше называли *желтофиолью*), но и яркий поэтизм: в СЯРП статья ЛЕВКОЙ включает 22 контекста (142 вхождения в ПК НКРЯ, самое раннее – Рылеев, 1823). Ср. словарные статьи:

ЖЕЛТОФИОЛЬ [травянистое комнатное и садовое растение] По деревянным антресолям Стоят цветочные горшки С левкоем и желтофиолем, И дышат комнаты привольем, И пахнут пылью чердаки. П947 (III,534)

МЕТИОЛА [вар. к маттиола; левкой] «Пришел», – летит от вяза к вязу, И вдруг становится тяжел Как бы достигший высшей фазы Бессонный запах метиол. П930 (I,383); Запомню и не разбазарю: Метель полных метиол. Концерт и парк на крутояре. Недвижный Днепр, ночной Подол. *ib.*

Заслуживает особого внимания контекст из стихотворения Пастернака (...*горшки С левкоем и желтофиолем*), где *желтофиоль* не просто отрывается от *левкой*, но и употребляется в нестандартной форме мужского рода (что, как представляется, призвано подчеркнуть устаревание этой номинации, смещение ее в сферу просторечия). Отметим также, что в некоторых изданиях Пастернака нестандартная форма *метиола* (как можно предположить – подчеркнуто новая) заменяется на вариант *матиола*. Следует упомянуть, что в толковых словарях лексема отсутствует, согласно Академическому орфографическому словарю нормативна форма *маттиола* (<https://orfo.ruslang.ru>). Ср. первые употребления в ПК и Основном корпусе НКРЯ: *Сильней благоухали матиолы, Всё исступленней пахла резеда* (В. Ю. Эльснер. Душный закат, 1913); *Ветка цветущего миндаля – гармония, звучащая в душе юноши, маргаритка – наивность, матиола – нежность, вербена – любовь* (В. А. Швец. Дневник, 1944); *Только на несколько месяцев пережила деда бабушка Марья Петровна; она умерла в июле, когда из раскрытых балконных дверей тянуло уже левкоями и метиолой* (Р. Б. Гуль. Конь рыжий, 1952); *Сорву я цветок маттиолы И вдруг заволнуюсь всерьез: И юность, и плач радиолы Я вспомню, и полные слез Глаза моей девочки нежной Во мгле, когда гаснут огни...* (Н. М. Рубцов. Тот город зеленый..., 1969); *Но еще больше напоминает меловая мазня диагонально протянутых пространств ночную садовую грядку. Тут гелиотроп и маттиолы. Их вечером поливали и свалили набок* (Б. Л. Пастернак. Охранная грамота, 1930).

Выводы. Таким образом, поэтическое отражение названий растений представляет собой обширное и весьма интересное поле для исследования.

Недостаточная изученность названий растений оказывается составной частью более широкой проблемы. Ученые-биологи в последнее время всё чаще пишут о недостаточном внимании современного человека к живой природе и растительному миру в частности, о чем говорит введенный недавно термин «слепота к растениям» или «растительная слепота» (plantblindness), ср. [Wandersee, Schussler, 2001; Allen, 2003].

Сводный словарь поэтического языка и обращение к НКРЯ позволяют проследить изменчивость поэтического лексикона: ряд названий (прежде всего конкретные, бытовые именованья) впервые появляется в поэзии Серебряного века, другие названия со временем уходят из лексикона. Лексикографическое описание фитонимов остается важной и насущной проблемой.

Литература

Григорьев, В. П. (1979). *Поэтика слова: на материале русской советской поэзии*. Москва: Наука.

Кожевникова, Н. А., Петрова, З. Ю. (2015). *Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: Растения*. Москва: Языки славянской культуры.

Колосова, В. Б. (2009). *Лексика и символика славянской народной ботаники: этнолингвистический аспект*. Москва: Индрик.

Кулева, А. С. (2020). О названиях растений в лингвистической перспективе: «Растения Средиземья», словари и переводы *Вопросы языкознания*, 5, 115–131. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.115-131.

Куликова, И. С. (2014). *Слова-флоризмы в русской художественной картине мира*. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publ.

Кушлина, О. Б. (2001). *Страстоцвет, или Петербургские подоконники*. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха.

Меркулова, В. А. (1967). *Очерки по русской народной номенклатуре растений: Травы. Грибы. Ягоды*. АН СССР, Институт русского языка. Москва: Наука.

Протасова, Е. Ю. (2014). Герань или пеларгония: модернизация понятия *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*, 1, 111–120.

Шарафадина, К. И. (2018). *«Селам, откройся!» Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы: монография*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Шестакова, Л. Л. (2011). *Русская авторская лексикография: теория, история, современность*. РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Москва: Языки славянских культур.

Allen, W. (2003). Plant blindness. *BioScience*, 53(10). DOI: 10.1641/0006-3568(2003)053[0926:PB]2.0.CO;2.

Faircloth, N., Thomas V. (2014). *Shakespeare's Plants and Gardens: A Dictionary* (Arden Shakespeare Dictionaries). London; New York: Bloomsbury, 2014.

Judd, W. S., Judd G. A. (2017). *Flora of Middle-earth: Plants of J.R.R. Tolkien's legendarium*. New York: Oxford Univ. Press.

Wandersee, J. H., Schussler, E. E. (2001). Toward a theory of plant blindness. *Bulletin of the Botanical Society of America*, 47(1), 2-9.

Источники

БАС – *Словарь современного русского литературного языка* (1948–1965): в 17 т. АН СССР, Институт русского языка. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР.

МАС – *Словарь русского языка* (1981–1984): в 4-х т. АН СССР, Институт русского языка; под редакцией

References

Allen, W. (2003). Plant blindness. *BioScience*, vol. 53, no. 10. DOI: 10.1641/0006-3568(2003)053[0926:PB]2.0.CO;2.

Faircloth, N., Thomas, V. (2014). *Shakespeare's Plants and Gardens: A Dictionary* (Arden Shakespeare Dictionaries). London; New York: Bloomsbury, 2014.

Grigoriev, V. P. (1979). *Poetics of the word: based on the material of Russian Soviet poetry*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Judd, W. S., Judd, G. A. (2017). *Flora of Middle-earth: Plants of J.R.R. Tolkien's legendarium*. New York: Oxford Univ. Press. 424 p.

Kozhevnikova, N. A., Petrova, Z. Y. (2015). *Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian Literature 19th–20th centuries*. Issue 3: Plants. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (In Russian).

Kolosova, V. B. (2009). *Vocabulary and symbolism of Slavic folk botany: Ethnolinguistic aspect*. Moscow: Indrik Publ. (In Russian).

Kuleva, A. S. (2020). On plant names in linguistic perspective: "Plants of Middle-earth", dictionaries and translations. *Voprosy Jazykoznanija*, 5, 115–131. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.115-131. (In Russian).

Kulikova, I. S. (2014). *Florism words in the Russian artistic picture of the world*. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publ. 644 p. (In Russian).

Kushlina, O. B. (2001). *Passion flower, or Petersburg window sills*. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. (In Russian).

Merkulova, V. A. (1967). *Essays on the Russian folk nomenclature of plants: Herbs. Mushrooms. Berries*. The Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Protasova, E. Yu. (2014). Geranium or pelargonium: Modernization of the concept. *Ural Philological Bulletin. Series. Language. System. Personality: Linguistics of creativity*, 1, 111–120. (In Russian).

Sharafadina, K. I. (2018). *"Selam, open up!" Floropoetics in the figurative language of Russian and foreign literature*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russian).

Shestakova, L. L. (2011). *Russian author's lexicography: Theory, history, modernity. The V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (In Russian).

Wandersee, J. H., Schussler, E. E. (2001). Toward a theory of plant blindness. *Bulletin of the Botanical Society of America*, 47(1), 2-9.

Sources

Russian Dictionary of the Modern Literary Language (1948–1965): in 17 volumes. The Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.

А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка: официальный сайт. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 20.05.2023).

СОШ – Ожегов, С. И., Шведова, Н.Ю. (1997). *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*; РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник.

СУ – *Толковый словарь русского языка (1935–1940)*: в 4-х т. / составители Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов [и др.]; под редакцией Д. Н. Ушакова. Москва: ОГИЗ.

СШ – *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (2007)*: (82000 слов и фразеологических выражений). РАН, Отделение историко-филологических наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; авторы Н.Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин; ответственный редактор Н. Ю. Шведова. Москва: Азбуковник.

СЯРП – *Словарь языка русской поэзии XX века (2001-)*. РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; ответственные редакторы В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова; редакторы Л. И. Колодяжная, А. С. Кулева, В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. Москва: Языки славянской культуры. 1: А–В.

Russian Russian Dictionary (1981–1984): in 4 volumes. The Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language. Ed. A. P. Evgenieva. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Russkiy yazyk Publ.

National Corpus of the Russian language: official website. Retrieved from: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 20.05.2023). (The conventional name in science is NKRYA).

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1997). *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions*. The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 4th ed., add. Moscow: Azbukovnik Publ.

Explanatory Dictionary of the Russian language (1935–1940): in 4 volumes. Comp. G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov [et al.]; ed. D. N. Ushakov. Moscow: OGIZ Publ.

Russian dictionary with the inclusion of information about the origin of words (2007): (82000 words and phraseological expressions). The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Department of Historical and Philological Sciences; authors: N. Y. Shvedova, L. V. Kurkina, L. P. Krysin; executive ed. N. Y. Shvedova. Moscow: Azbukovnik Publ. 1164 p.

Russian Poetry Dictionary of the 20th Century (2001-). The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; responsible eds: V. P. Grigoriev, L. L. Shestakova; eds: L. I. Kolodyazhnaya, A. S. Kuleva, V. V. Bakerkina, A.V. Gik, T. E. Reutt, N. A. Fateeva. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. Vol. 1. 895 p.

Для цитирования статьи:

Кулева, А. С. (2023). Названия растений как часть поэтического лексикона (на материале «Словаря языка русской поэзии XX века»). *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 3(8), 61–72. DOI: 10.34680/VERBA-2023-3(8)-61-72

For citation:

Kuleva, A. S. (2023). Plant names as part of the poetic lexicon (based on the Dictionary of the Language of the Twentieth Century Russian Poetry). *VERBA. North-West linguistic journal*, 3(8), 61–72. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-3(8)-61-72